

Жан-Кристоф Гранже

Полет аистов

Багровые реки

Братство камня

Империя Волков

Черная линия

Присягнувшие Тьме

Мизерере

Лес мертвецов

Пассажир

Кайкен

Лонтано

Конго Реквием

Земля мертвых

Последняя охота

День Праха

Обещания богов

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ОБЕЩАНИЯ БОГОВ

Санкт-Петербург

I СНОВИДИЦЫ

1

— Все происходит в деревне. Она появляется однажды зимним утром.

— Вам знакомы те места?

— Нет. Я всегда жила в Берлине и терпеть не могу выезжать из города.

— Опишите мне эту девочку.

— На ней форма Союза немецких девушек: черный галстук, длинная юбка, нашивка с орлом рейха. Я вижу, как она приближается в тумане. Она говорит мне: «Я от Гитлера».

— Вот так прямо?

— Да. Будто Гитлер — какой-то из ее родственников или близких, ну, не знаю. Полный абсурд. И так на протяжении всего сна, в каждой детали всегда что-то странное, необъяснимое.

— Но ведь в снах всегда так, верно?

Симон Краус послал понимающую улыбку, обычно располагающую к доверию. Женщина не улыбнулась в ответ. Красивая, элегантная, дорого одетая. *Как и все прочие.*

— Продолжайте, прошу вас.

— Она подходит ближе, и я вижу ее лицо. У нее очень бледная кожа в оспинках. Волосы светлые. С таким... неприятным желтым оттенком. Мне не хочется на них смотреть.

— Неприятным: что вы имеете в виду?

— У них цвет... мочи. Я так и подумала во сне: «У этой девочки волосы цвета мочи». Меня от них чуть не стошнило.

Симон никогда не вел записей. А вот скрытый под столешницей микрофон записывал каждый сеанс. Зато Симон любил тайком набрасывать карандашом портреты своих пациенток.

Эта была новенькой. Настоящий вызов для рисовальщика-любителя, каким он и был. Высокие брови (фальшивые, настоящие выщипаны) напоминали два домика, маленький ротик бантиком, задорный носик, длинные тонкие руки... *Не будем отвлекаться.*

— Пока она говорит со мной, я замечаю множество деталей. Во-первых, у нее в руке лопата. А еще рядом с ней тачка. Наверно, она ее прикатила...

Он по-прежнему чиркал карандашом, повернув блокнот так, чтобы нельзя было разглядеть, чем он там занят. Он привык к таким рассказам. В его кабинет приходили поделиться, рассказать о своих проблемах и неврозах, а главное — описать сны.

Симон Краус был психиатром, и, без сомнения, одним из лучших в своем поколении, но предпочитал представляться психоаналитиком — даже само слово теперь таило опасность, но выслушивать этих дам, расписывающих свои тревоги, было гораздо прибыльнее.

— Вы меня слушаете, доктор?

Она уставилась на него своими серыми глазами, которые, несмотря на живость, казались поблекшими, расплывчатыми, как галька на дне реки. Наверняка усталость. В августе 1939 года в Берлине вряд ли кто спал безмятежным сном.

— Я вас слушаю, фрау... — он бросил взгляд на карточку, — ...Фельдман.

Несколько секунд она разглядывала обстановку. Симон все придумал сам, именно с целью расслабить пациенток (он принимал только женщин). Кремовые стены, глубокое коричневое кожаное кресло «Elephant», а вместо дивана — кушетка-меридиен с изголовьем; на полу плотный шерстяной ковер с узорами в стиле Кандинского, вызывающими ощущение, будто ступаешь по облакам; за-

стекленный книжный шкаф с аккуратно расставленной справочной литературой, а главное — предмет его особой гордости, письменный стол с ящиками в стиле ар-деко, под прикрытием которого он привык украдкой стаскивать башмаки.

— Я замечаю в тачке кучу пепла. В свете занимающейся зари эта масса образует бледное пятно, напоминающее лицо девочки... Несмотря на туман, все вокруг выглядит высохшим: пепел, подернутая изморозью земля, кожа девчушки... Даже ее голос — будто скрежет проржавевшего механизма...

Симон почти закончил портрет. *Неплохо*. Он поднял глаза:

— Вернемся к лопате. Что делает девочка с этим... инструментом?

— Она протягивает лопату мне и велит копать.

В этой сцене Симон не видел ничего, кроме банального страха, овладевшего всеми берлинцами. С приходом нацизма, конечно же, и даже еще раньше, при Веймарской республике...

Особый интерес психиатра вызывало подспудное воздействие, оказываемое диктатурой на человеческое сознание. НСДАП, нацистская партия, не довольствовалась контролем над думающими мозгами, она еще и проникала в мир снов как неприкрытый ужас.

— И что вы делаете?

— Копаю. Как ни странно, я не сразу осознаю, что речь идет о моей собственной могиле.

— А дальше?

— Когда яма становится достаточно глубокой, я понимаю, что будет дальше. Эта девчушка выстрелит мне в затылок и высыплет содержимое своей тачки на мой труп. И там вовсе не пепел, а негашеная известь. Именно в этот момент девочка смеется, вынимая из кобуры пистолет, и говорит: «Преимущество окиси кальция в том, что она не действует на металлы. У вас ведь есть украшения, да?»

И золотые зубы?» Я хочу убежать, но ноги одеревенели, как черенок ее лопаты.

Симон отвлекся от своего блокнота. Сейчас ему нужно быть рядом с новой пациенткой, вытащить ее из ямы — в буквальном смысле.

— Вы ведь не хуже меня понимаете, что это всего лишь сон, фрау Фельдман.

Она словно не услышала. Почти задыхаясь, она произнесла:

— Сейчас девочка выстрелит и убьет меня, а я тут, в яме. Я... продолжаю копать, будто хочу показать ей, что я еще не закончила, что нужно дать мне еще несколько секунд жизни, чтобы я доделала свою работу... Это ужасно... Я...

Она умолкла, вытащив из сумочки носовой платок. Вытерла глаза, шмыгнула носом. Симон дал ей перевести дух.

— Неожиданно, — продолжила она, — я отбрасываю лопату и пытаюсь выкарабкаться из ямы. И тут мое тело раскалывается.

— Что вы хотите сказать?

— Мой позвоночник ломается пополам. Я отчетливо слышу хруст и оказываюсь лицом в земле с полным ощущением, что две части моего тела движутся независимо друг от друга, как у разрубленного земляного червя. Я поднимаю глаза и вижу, как она наводит на меня свой люгер (я узнаю пистолет, у моего мужа такой же). Она прищуривает один глаз, чтобы лучше прицелиться, а другой, открытый глаз тоже желтый. — У женщины сквозь рыдания прорывается смешок. — Цвета мочи!

В апогее сна любая деталь может оказаться решающей — *значимой*.

— О чем вы думаете в тот момент?

— О моих золотых зубах.

Сдержав крик, она глухо рыдает. Симон отмечает, что на ней костюм, на который он и сам обратил внимание

в «Kaufhaus des Westens»¹. Все это добрый знак. На следующем сеансе он расспросит ее о муже — о его карьере, взглядах, точной цифре доходов...

— Вы еврейка, фрау Фельдман?

Она выпрямилась, словно ее пронзило током:

— Но... никоим образом!

— Коммунистка?

— Совершенно нет! Мой муж руководит «Рейхсверке Герман Геринг»!²

Он вскинул брови в знак удивления, приправленного долей восхищения. На самом деле ему уже об этом сообщили — приятель, рекомендовавший фрау Фельдман, выразился вполне однозначно: в руках ее мужа сосредоточена бóльшая часть немецкой стали.

Симон послал ей самую благожелательную улыбку:

— Что ж, успокойтесь, фрау Фельдман, ваш сон всего лишь отражение смутного беспокойства, связанного, скажем так, с теперешним положением вещей.

— Но что это означает?

Это означает, что все мы скоро сдохнем с люгером у виска, едва не ляпнул он, но натянул на лицо специальное выражение «intra-muros»³: все, сказанное в этом кабинете, никогда не покинет этих стен.

— Фрау Фельдман, ваше сознание подвергается серьезному давлению. Ночью оно высвобождает свои тревоги через эти странные видения.

— Мне кажется, я плохая немка.

— Как раз наоборот. Ваши сны отражают стремление жить счастливо в Берлине, несмотря ни на что. Повторю,

¹ «Торговый дом Запада» (нем.) — универсальный магазин в Берлине, открылся в 1907 году, считался крупнейшим в континентальной Европе и входил в пятерку самых крупных универмагов мира. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² «Рейхсверке Герман Геринг» — гигантская финансово-промышленная корпорация, созданная в 1937 году по инициативе Геринга с целью увеличения производства высококачественной стали.

³ *Букв.: внутри этих стен, т. е. не для чужих ушей (лат.).*

вы таким образом выплескиваете свои страхи. Ночной сон — это физический отдых. А сновидения — отдых души, ее передышка, если угодно. Не беспокойтесь.

Говоря это, он подумал: «Уж ты-то свое получишь». Теперь он сосредоточился на ее выщипанных бровях. Он не навидел подобное кокетство. В этой полоске, оставшейся на лысой надбровной дуге, было что-то и непристойное, и фальшивое. Симон ценил естественную красоту. В этом смысле он был истинным немцем и не так уж далеко ушел от нацистов, которые любили только спортивных, пышущих здоровьем девиц с косами.

— Простите... что вы сказали? — спохватился он, выпрямляясь в кресле.

— Я спросила, закончен ли сеанс?

Он бросил быстрый взгляд на часы:

— Безусловно.

Он быстро обулся, получил свои марки и проводил женщину до двери. Сказав несколько ободряющих слов — они увидятся на следующей неделе, — он расстался на лестничной площадке с супругой сталелитейной машины «Герман Геринг». В голове, словно пуля, пронеслась картинка: клещи, вырывающие золотые зубы фрау Фельдман.

Он провел рукой по лицу и вернулся в кабинет. Порывшись в кармане, нащупал маленький ключ, который всегда носил при себе, на жилетной цепочке, как карманные часы.

С осторожностью (и, как всегда, с наслаждением) открыл дверь комнатушки, примыкающей к кабинету. Дверь его тайного королевства.

2

Обитая деревянными панелями, узкая и без единого окна, каморка была не больше пяти квадратных метров. Освещенная только висящей матовой лампой, она походила на огромную коробку для сигар — или кабину лифта.

На маленьком круглом столике возвышался граммофон-регистратор, который Симон включал перед каждым сеансом. Вокруг по стенам шли полки, на которых он держал полученные записи. Сотни испещренных бороздками пластинок, хранящих все тайны его клиентуры. Годы прослушивания, профессиональных советов, шантажа...

Он взял только что записанный ацетатный диск¹, сунул его в бумажный конверт, который надписал, поставив имя пациентки, день и час сеанса. Потом поставил диск на выбранное для него место и отступил на шаг, чтобы полюбоваться своими сокровищами: три стены, плотно заставленные зарегистрированными снами.

Сновидения были страстью Симона. Свою диссертацию он посвятил биологической природе сна, потом ушел в психоанализ. Он прочел все посвященные этому вопросу книги, какие только смог найти, — нацисты еще не начали их жечь. Позже, в тридцать четвертом году, он поехал в Париж, чтобы встретиться с лучшими специалистами в области онейрологии².

Симона завораживала сложность снов, проявляющаяся в них мощь воображения и способность реконструирования, все, что эти запутанные лабиринты рассказывают о вас самих и о мире. У него была своя теория: ночью мозг, освобожденный от цензуры и страхов, мог увидеть реальность такой, какой она была на самом деле, и обретал необычайную прозорливость. В некотором смысле в снах было нечто магическое: они всегда являли худшее, преодолевая наши хрупкие защитные барьеры.

Кто знает? Возможно, Ильзе Фельдман закончит в могиле, которую сама себе выроет, с пулей в затылке...

В первые годы нацизма Краус отважился опубликовать несколько научных статей на эту тему — в то время

¹ *Ацетатные диски* — особая категория пластинок; как правило, они были односторонние и изготовлялись из твердого, хрупкого пластика или металла с тонким виниловым покрытием.

² *Онейрология* — наука о сновидениях.

он даже числился в Институте Геринга¹, пристанище для психиатров, которые не были ни евреями, ни фрейдистами. Потом он ушел в тень, стараясь вести себя как можно незаметнее ввиду надвигающейся коричневой волны. Отныне он оказывал помощь нервическим дамам, которые в сновидениях выдавали свои стойкие антигитлеровские, а значит, антипатриотические чувства.

Ирония ситуации: рейх всегда стремился узнать, что у вас в голове, контролировать вашу психику, но именно Краус в своем кабинете рядом с *Staatsbibliothek*² собирал секреты жен — а часто, пусть и косвенно, их мужей. *Ха-ха-ха! Еще одно, чего Гитлеру не заполучить!*

С годами он отточил свою теорию. Для Фрейда сны несли в себе исключительно сексуальное послание. Краус был не согласен. Как говорил Отто Гросс, гениальный психиатр, ставший бродягой и позволивший себе умереть от голода в 1920 году: «Фрейд видит повсюду секс просто потому, что недостаточно трахается!»

Сны были *политическими*. Они раскрывали наше отношение к другим людям, к власти, к притеснению. Во всяком случае, его собственные только вокруг этого и вертелись, а если точнее — унижения в прошлом (и видит Бог, их было немало!) претворялись в абсурдные, символические, нездоровые сюжеты. Каждую ночь Симон испытывал муки мученические, заново проживая полученные когда-то травмы, но такова была цена его душевного равновесия.

Нарыв следовало вскрыть. Изрыгнуть во сне те обиды, которые душили его до сих пор.

В глубине души Симон был всего лишь злопамятным мстительным подростком. Что с того, что он стал блестящим специалистом, с увлечением и даже преданностью относящимся и к пациентам, и к своим исследованиям сно-

¹ *Институт Геринга* — Институт психологической поддержки и психотерапии в Берлине, которым в 1936–1945 годах руководил Маттиас Генрих Геринг, кузен фельдмаршала Германа Геринга.

² Берлинская государственная библиотека (*нем.*).

видений; все равно он оставался существом циничным и желчным, мечтающим свести счеты с окружающими.

Доказательство? Хотя он был вполне обеспечен благодаря гонорарам практикующего врача и беззаботно пользовался дарами нацистской системы, расположившись в прекрасной квартире, ранее принадлежавшей еврейской семье, он шантажировал своих пациентов.

Кстати, задумавшись об этом, он заодно вспомнил о свидании с Гретой Филиц. Опаздывать в таких случаях нельзя.

Пунктуальность — вежливость шантажистов.

З

Симон был красив. Даже очень.

Но он был маленького роста. Ужасно маленького.

Здрав подбородок и привстав на цыпочки, он упрямо утверждал, что в нем метр семьдесят, но не желал знать, на сколько смухлевал. Он забыл все последние разы, когда действительно становился под планку ростомера. Он нарочно *стер* цифры из памяти.

Ущербный рост придал ему иную силу — силу воли. В школе, когда его товарищи тянулись вверх как на дрожжах, а он оставался коротышкой, Симон почувствовал, что его сила растет по-другому, словно внутри прибывает некая энергия, готовая выплеснуться.

Случались эпические баталии, вызванные насмешками над его физической недоразвитостью. Особенно в тот раз, когда в школьном туалете под открытым небом он получил королевскую взбучку, но и сейчас помнил это чувство освобождения, ветер, гуляющий по цементным коридорам, хруст собственного носа, расплющенного о деревянную дверь... Он был счастлив драться, счастлив оценить дорогу, которую предстоит пройти, чтобы самоутвердиться...

У Симона было маленькое тело, но много ума. Очень скоро нападать на него стало опасно. Ему больше не били

морду, потому что боялись его интеллекта. Да, ему досталось несколько ударов, зато его обидчики обзавелись прозвищами, которые никогда от них не отклеятся. Синяки проходят, оскорбительные ярлыки впечатываются навсегда.

Его случай отягощало еще одно обстоятельство: он был беден. А значит, опять-таки недомерок. Но в этом был дополнительный стимул разжечь в себе честолюбие. Он часто думал об одном актере, который смешил весь мир, хотя родился в нищете, — о Чарли Чаплине. Симон изображал его перед зеркалом (как и у того, у него была танцующая походка) и говорил себе, поигрывая тростью, что однажды тоже взлетит на самый верх.

Все годы учебы он оставался первым учеником, причем особо не напрягаясь, не прикладывая усилий и вкалывая не больше, чем другие. Таким образом на протяжении многих лет он ходил в гениях. И все равно в нем накрепко засело убеждение, что главную роль в его жизни играл этот чертов рост. «Стань тем, кто ты есть», — писал Ницше. Наверняка он был выше Симона, потому что когда постоянно подкладываешь подпяточники в башмаки и получаешь по носу плечом на каждой остановке трамвая, приходится скорее быть тем, кем ты стал... невзирая на рост.

Симон Краус покинул Германию на два с лишним года, отправившись в тридцать четвертом учиться во Францию, а потом вернулся в Берлин. На его глазах в феврале тридцать третьего горел Рейхстаг, месяц спустя власть перешла к Гитлеру, затем последовали костры из книг, Ночь длинных ножей¹ в тридцать четвертом и Хрустальная ночь² в ноябре тридцать восьмого... Единственным событием, которое он пропустил, были Олимпийские игры. Так вот, этот поток дерьма он пережил с полнейшим безразличи-

¹ *Ночь длинных ножей* — расправа Гитлера над руководителями штурмовых отрядов СА 30 июня 1934 года, укрепившая позиции СД, СС и гестапо.

² *Хрустальная ночь*, она же Ночь разбитых витрин — массовый еврейский погром в нацистской Германии 9–10 ноября 1938 года, в котором участвовали военизированные отряды СА и граждане.

ем. Даже сегодня, когда на следующем листке календаря значилась война, ему было в высшей степени плевать. Он твердо намеревался пережить потоп.

Одно воспоминание исчерпывающе описывает личность Симона. Однажды днем в апреле тридцать третьего он работал в библиотеке, когда в коридорах раздался сильный шум. Хлопанье дверей, грохот сапог, приглушенные крики: «Они выбрасывают вон евреев!» А у него в голове пронеслась единственная мысль: «Хорошо хоть на коротышек пока не наезжают...»

Вот во что превращает человека такого рода ущербность — в монстра. Маленького, конечно, но все же монстра.

Ладно. Симон решил проинспектировать свой гардероб. Должен же он пристойно выглядеть в глазах Греты Филиц. *Так-так-так...* Он быстро глянул налево, оценивая коллекцию пальто: коричневое из альпаки с воротником-стойкой, черное двубортное из крученой шерсти, габардиновый макинтош... Не по сезону. Потом перешел к костюмам: все с отстроченными лацканами, шерстяные, фланелевые, льняные... Разумеется, только костюмы-тройки с жилетами в обтяжку и брюками с высокой посадкой — но не слишком высокой, иначе он смахивал на ребенка в штанишках на помочах.

Их крой был намного замысловатее обычного: он сохранил купленные во Франции костюмы и отдавал их копировать талантливым портным — все как один были евреи, так что найти такого в последнее время становилось все сложнее.

В конце концов он выбрал твидовый пиджак и оксфордскую рубашку с воротником на пуговичках. Классические брюки, ботинки «дерби» на шнуровке, и готово дело. Унизительная деталь: в ботинках имелась небольшая хитрость, они были на платформе. Симон, который давно понял, что лучший способ контролировать шуточки в свой адрес — самому их подкидывать, придумал одну, когда был интерном в больнице «Шарите»: «Какая разница между Йозефом Геббельсом и Симоном Краусом? У Геббельса одна нога коротковата, а у Симона обе».

Он еще раз оглядел себя в зеркало шкафа и подумал, что тона пиджака — мох, кора, вереск шотландских пустошей — напоминают цвета нацистской формы. Вот и хорошо, тем незаметнее он будет на общем фоне.

Бросил взгляд на часы и понял, что явится раньше времени. Направился по коридору на кухню, чтобы приготовить себе чашечку кофе.

Квартира была больше шестидесяти квадратных метров — и рабочая зона, и личное пространство. На самом деле, поскольку под кабинет и приемную он отвел две комнаты, собственно жилое пространство ограничивалось кухней, ванной и просторной спальней. Вполне достаточно.

К выбору обстановки Симон относился не менее внимательно, чем к одежде. В приемной он умудрился разместить палисандровый стол на гнутых ножках, два коричневых кожаных кресла и квадратный потолочный светильник матового стекла. В спальне главным предметом была ширма, подписанная Жаном Люрса¹, ни больше ни меньше...

Как он смог позволить себе подобную роскошь? Очень просто: одна из его пациенток, Лени Лоренц, была женой банкира, который специализировался на «арийской зачистке» Берлина. Забавное выбрали словосочетание, чтобы обозначить откровенную экспроприацию, то есть конфискацию имущества евреев, часть которого Ганс Лоренц рекомендовал «правильным немцам» купить по бросовой цене.

Именно так Симон стал владельцем этой квартиры, за которую даже не платил. Потом Лени сопровождала его на склады, куда нацисты свозили трофеи своих налетов, и Лени помогла ему выбрать мебель, чтобы обустроить гнездышко. Они даже исхитрились заняться любовью за ширмой Люрса, которая приглянулась Симону. Сладкое воспоминание.

Психиатра могла бы смутить собственная продажность (Лени устроила ему квартиру, как какой-нибудь буржуа своей содержанке), но ему было начхать. Даже приятно. В душе он был жиголо.

¹ Жан Люрса (1892–1966) — французский художник, керамист, художник по текстилю, поэт, иллюстратор, реформатор шпалерного искусства.